

Алена Тимофеева

Разбитые воспоминания

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

Алена Тимофеева

Разбитые воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701609

SelfPub; 2022

Аннотация

Санкт-Петербург становится городом будущего. Людям будет предложен дар «чтения мыслей» Готово ли человечество к таким технологиям? Искра и Огнецвет. Инженер и нейрофизиолог. Один революционный проект. Принесёт ли он благо или представляет угрозу...

Содержание

Глава 1. Искра	4
Глава 2. Огнецвет	12
Глава 3. «Sentio»	18
Глава 4. Мнемосина	26
Глава 5. Ланграф	37
Глава 6. «Veritas»	44

Алена Тимофеева

Разбитые воспоминания

Глава 1. Искра

Дождь в Санкт-Петербурге зарядил на весь день. Тяжёлые капли ударялись о раскалённый асфальт. Июль выдался жарким даже для две тысячи пятьдесят второго года. Солнце не щадило петербуржцев, количество случаев тепловых ударов среди населения возрастало в геометрической прогрессии. Искра Элинская, худенькая, высокая девушка, так некстати одетая в светлые брюки и белую хлопковую рубашку, шипела от досады, перепрыгивая через лужи. Туфли, непредназначенные для прогулок под ливнем, мгновенно вымокли. Морщась от воды, попавшей за ворот рубашки, Элинская забежала под крышу остановки общественного транспорта и слабо улыбнулась сидящей на скамье пожилой женщине. В ответ Искра получила лишь хмурое выражение лица и недовольное ворчание:

– Опять дождь. Уж всю неделю идёт и идёт. У поликлиники словно ров залили, не пройдёшь.

Старушка покачала головой. Её дождевик, испаряющий влагу, засветился по краям оранжевым цветом – плащ яв-

но требовал зарядки. Элинская невольно позавидовала, свой дождевик она оставила дома на полке в шкафу. Искра трянула влажными тёмными волосами и скрутила их в пучок. Незнакомка посмотрела на открывшееся её взору лицо девушки:

– А Вам с убранными волосами куда лучше хоть видно, что молодая, а так и не разберёшь.

Женщина наивно полагала, что её слова прозвучат комплиментом, но, увы, Элинская расценила их совсем по-другому.

– В этом Вы, несомненно, правы. Главное, с кем сравнивать, – сладким голоском проговорила Искра, и, кивнув напоследок старушке, гордо задрала подбородок. Она устремилась на работу пешком, не дожидаясь прибытия гравитобуса¹.

Почти три месяца назад Искру Булатовну, нейрофизиолога московского НИИ когнитивных нейронаук, пригласили для работы над одним революционным проектом в дочернюю лабораторию предприятия федерального значения «АО Заслон». Правда, назвать «предложением» прямое указание руководства о немедленном начале сотрудничества с крупнейшей лабораторией инновационных технологических разработок, назвать было сложно. Определение «приказ» в данном случае подходило гораздо больше.

¹ Вымышленный транспорт будущего, удерживаемый над полотном дороги, движимый и управляемый силой электромагнитного поля.

– Приступаешь на следующей неделе. И без возражений, ясно? – как гром среди ясного неба проревел возвышающийся над Элинской начальник, – это большая честь, что они проявили заинтересованность именно в наших кадрах. Будь так любезна, не подведи. – Борис Семёнович Ланграф, главный научный сотрудник и по совместительству заведующий лабораторией биоэлектрических интерфейсов окинул взглядом едва ли не дрожащую от негодования Искру Булатовну и смягчившись, добавил:

– Искорка, прости. Нам очень важно зарекомендовать себя, как достойную организацию. Конкуренция возрастает с каждым годом. А бороться с новыми компаниями всё сложнее и сложнее. Ты же наш ведущий научный сотрудник, мы не можем упустить такой шанс. Докторскую защитишь, ты же хотела.

Борис Семёнович поднялся со своего места и с вымученной улыбкой двинулся в сторону замершей на месте Элинской. Когда между ними оставалась всего пара шагов, Искра Булатовна на автомате отступила к выходу. Заведующий лабораторией был выше нейрофизиолога на целую голову и шире раза в три. Глубоко вдохнув, как человек, готовящийся нырнуть на глубину, Элинская осторожно поинтересовалась:

– Борис Семёнович, Вы меня выбрали, только потому, что Эдик сейчас в командировке? Разве участие в международном исследовании по лечению пациентов, находящихся в вегетативном и в малом сознании, не являлось приоритетным?

Широкие брови Ланграфа, посеребрённые сединой, свелись к переносице. Лоб пошёл морщинами, похожими на трещины иссохшей краски. Борис Семёнович с некоторым сожалением взглянул на Искру Булатовну и тихо ответил:

– Если бы я на самом деле так считал, то отозвал бы Эдуарда Мстиславовича. И потом, он всё-таки в прошлом врач-невролог. У тебя семь дней, чтобы закончить дела в нашей лаборатории и перейти в «Заслон». Я уже отдал распоряжение в бухгалтерию. Тебе выплатят командировочные, билеты на беспилотник до Питера подберёт Аллочка. Всё, иди, – тоном, не терпящим возражений, Ланграф поторопил Элинскую.

На этом их разговор был окончен. С той самой не слишком приятной беседы минуло три месяца и ветреный апрель остался в прошлом. Искра любила пройтись перед работой, предпочитая передвигаться на своих двоих, нежели на автомобиле или гравитобусе. Хотя следует отметить, хлынувший ливень в утренние планы Элинской включён не был. Питер и раньше нарекали Северной Венецией, но сейчас, когда воды Адриатического моря так бесцеремонно обошлись с городом на северо-востоке Италии, поглотив его, Санкт-Петербург по праву обрёл свою изначальную уникальность потому что сравнивать было больше не с чем. Вдоль жилых домов тянулись искусственные каналы для сбора воды, которые в дождливый период были переполнены. По ширине они варьировались от полуметра до метра. Для доступа в зда-

ния между дорогой и домом были перекинута мостики на магнитной подушке. По иронии судьбы корпорация, в которой Искра трудилась вот уже три месяца, находилась в Московском районе. Фасад здания не отличался примечательностью, сливаясь с остальными кирпичными близнецами.

Элинская, внимательно смотревшая себе под ноги, старательно обходила лужицы, напевая себе под нос застрявшую в голове песню. Обогнув в очередной раз отражающую пасмурное небо лужу, нейрофизиолог не заметила шествовавшего на работу коллегу и врезалась в его широкую спину, больно ударившись острым носом. Искра досадливо ойкнула, потирая ушибленную переносицу, и с обидой посмотрела на остановившегося Максима Константиновича Огнецвета, чья спина и стала причиной этого инцидента.

– Искра Булатовна, я Вас не заметил! Что же Вы по сторонам не смотрите-то, а? – укоризненно спросил Максим Константинович, низким, словно гудящим голосом. Он откинул капюшон своего дождевика. Огнецвет был с Элинской одного роста, и его светлые глаза за очками в прозрачной оправе с тревогой всматривались в тёмные очи нейрофизиолога. Искра первой отвела взгляд и покачала головой:

– Ничего страшного... А Вы чего так рано сегодня? – любопытствовала она, невольно бросив взгляд на свой тонкий незамкнутый браслет. Устройство, мгновенно узнав хозяйку, отобразило голографический экран, в нижнем правом углу которого сияли цифры: семь тридцать.

– Хотел пораньше начать работу с «Sentio», ну и успеть выпить чашечку кофе, разумеется. Составите мне компанию? – Огнецвет смущённо улыбнулся коллеге. Их совместная работа над проектом шла на удивление слаженно и отказать милому инженеру Искра никак не могла. Уголки её губ приподнялись, и она согласно кивнула. Максим Константинович указал рукой на вход в лабораторию:

– Тогда не будем мокнуть под дождём, прошу.

Коллеги приблизились к стеклянным дверям высотой до самого потолка. Дисплей, встроенный прямо в стёкла, ожил. Мирно спавшая до их прихода «Галатея²», виртуальная помощница компании, проснулась и словно нехотя откликнулась:

– *Доброе утро. Вас приветствует «АО Заслон», лаборатория инновационных технологических разработок. Будущее ближе, чем кажется. Пожалуйста, назовите причину посещения,* – равнодушным механическим голосом поприветствовала Элинскую и Огнецвета «Галатея». Максим Константинович неожиданно сильно щёлкнул зубами. Искра, стоявшая рядом с ним, невольно вздрогнула.

– Гала! Ты опять за своё? Прекрасно знаешь, мы пришли на работу! Ох, расскажу Артёму Игоревичу, что ты опять своевольничаешь! Он тебе функционал до уровня дверно-

² Отсылка к скульптуре, созданной Пигмалионом. Скульптор влюбился в своё произведение, молился Афродите послать ему жену столь же прекрасную, как и вырезанная им из слоновой кости девушка. Афродита сжалась и оживила скульптуру, которая под именем Галатея стала женой Пигмалиона.

го звонка ограничит! – сердито рявкнул на искусственный интеллект Огнецвет. Нейрофизиолог удивлённо наблюдала за реакцией Максима Константиновича, недоумевая. Когда Элинская приходила в лабораторию одна, Гала её впускала с привычным: *«Доброе утро, Искра Булатовна. Желая Вам хорошего дня»*. Распознавание лиц срабатывало с молниеносной скоростью. Искра не сдержала смехок:

– А Вы, я смотрю, Максим Константинович, пользуетесь популярностью. Вчера сразили Сину, сегодня Галу... Покояете нейронные сети наших девочек.

Огнецвет едва не подавился воздухом от возмущения, нервно поправляя очки двумя пальцами.

– И так каждое утро! А «Мнемосина»³ между прочим, вчера отказывалась сохранять мои воспоминания о рабочем дне в облаке и подговорила Галу показать мне ближайшие бары на карте! Видите ли, я заработался совсем. Ведь даже не пью. Немыслимо! – продолжал негодовать инженер. «Галатея» ехидно рассмеялась, и её электронный смех окончательно вывел несчастного Максима Константиновича из себя:

– Ну какова нахалка, Вы только послушайте её, Искра Булатовна! Она же просто глумится над нами! – воскликнул инженер. Веселящаяся Элинская тихо поправила коллегу:

– Смею заметить, Гала глумится только над Вами.

Услышав Искру Булатовну, «Галатея» залилась хохотом.

³ В древнегреческой мифологии богиня, олицетворявшая память.

«Определённо искусственный интеллект становится очень похожим на разум человека. Ещё немного, и люди будут не нужны. Вот только могут ли их чувства быть настоящими, не вызванными заданным алгоритмом. Впрочем, разве наши химические механизмы деятельности мозга делают нас... более живыми? Только из-за биологического происхождения?» – пронеслась грустная мысль в голове Огнецвета, и он с тоской обратился к виртуальному помощнику:

– Галатея,пусти нас, пожалуйста.

Обречённый тон инженера удовлетворил Галу и она соизволила наконец распахнуть двери.

– *«Максим Константинович, Искра Булатовна, желаю Вам хорошего дня»* – в стандартном пожелании от «Галатеи» Огнецвету померещились саркастические нотки. Он непроизвольно поёжился и поспешил зайти внутрь фойе корпорации. Элинская проследовала за ним. *«Определённо, сегодняшнее утро, мягко говоря, странное»* – подумала Искра, ступая в прохладное пространство вестибюля. День обещал быть интересным.

Глава 2. Огнецвет

«Почувствуй то, что не могут описать, ощути то, о чём нельзя сказать» – донеслось с огромного 3D экрана, висевшего над парящей сценой в фойе. На дисплее медленно вращалась объёмная модель белой круглой капсулы-приёмника со светящейся голубым цветом буквой «S» посередине. Затем изображение начало отдаляться от зрителя, практически превращаясь в точку. *«Диаметр в один сантиметр, толщина пять миллиметров – стандартный размер неинвазивного прибора для обмена визуальными образами «Sentio». Концепция устройства позволяет легко закрепить парный передатчик за ушными раковинами»* – реклама новой разработки звучала не только в их корпорации, она разносилась повсюду. В каждом офисе, магазине, кафе, школе, где угодно, знали о невероятно дерзком проекте «Sentio», предоставляющим возможность стать практически телепатом.

Первый этаж предприятия включал в себя проходную, если так можно было назвать открытое пространство у входа, скромных размеров кофейню, где бариста не было, а управление изготовлением выбранных напитков происходило через компьютерную панель. Были и служебные помещения, а также небольшой зал для проведения презентаций. Именно его Максим Константинович и Искра Булатовна быстро пе-

ресекли, достигнув лифтового холла.

– Проект не завершён, «Дину» ещё толком не апробировали, испытания запланированы лишь через месяц! Разорви меня дьявол, если они считают «Sentio» готовым для рекламы. Стоило только продемонстрировать дизайн, как... – Огнецвет резко рассёк воздух ребром ладони, и продолжил: – тут же активизировали пиар отдел. Да кому он вообще нужен. Целый штат бездельников с продажной душонкой, – в сердцах выпалил Максим Константинович и яростно ткнул по сенсорному панно в виде шестерёнок. Едва карающая длань инженера коснулась панели, в ту же секунду раздавшийся гул оповестил ожидающих о скором прибытии лифта. Элинская шумно вздохнула:

– Да-а-а. Соглашусь с Вами, Максим Константинович. Так спешно передавать информацию о «Sentio» в СМИ было нельзя. Возможно, руководство услышало, то что хотело услышать. Декодер Импульсов Нейронов, или как Вы любовно прозвали нейросеть «Дина», создана, этого дирекции было достаточно, – Искра Булатовна произнесла последнее предложение почти шёпотом. Чуть помявшись, она протянула:

– Хотя-я-я... Может, они и правы. Есть время привлечь клиентов. А «Дина» в принципе и есть сердцевина «Sentio».

Прозрачные двери лифта плавно разъехались. Коллеги вошли в кабину. Внутри играла лёгкая, приятная музыка.

– *Если хотите знать моё мнение, то охват целевого сег-*

мента потенциальных заказчиков «Sentio» вырос за последние две недели на сорок три процента. А значит, по моим прогнозам, к началу испытаний, рост заинтересованных продуктом лиц составит около девяноста процентов. Точные цифры без дополнительных данных рассчитать не могу. – механический голос Галы бесцеремонно прервал льющиеся из динамика звуки флейты. Огнецвет застонал, будто у него внезапно разболелся зуб.

– Не хотим! К чему нам твои непрошенные комментарии, милочка? Чего ты переключилась на лифт? Иди на вход! Там вам «домофонам» и место! – взревел Максим Константинович. Искра тихонько посмеивалась над экспрессией инженера, обычно столь скупого на эмоции. «Галатея», несомненно, задевала струны его тонкой души, ловко попадая в цель своими язвительными высказываниями. Будь Галя девушкой, Элинская заподозрила бы начало бурного романа.

– *Использованное Вами оскорбление из тридцатых годов свидетельствует о Вашей несовременности. Инженера, занимающегося инновационными технологиями, это характеризует не с лучшей стороны. Хорошего дня!* – прохладный голос «Галатеи» оборвался шипением, затем громко заиграла музыка, далеко не такая спокойная и приятная, как звучавшая минутами ранее. Элинская залилась хохотом. Помрачневший Огнецвет вытащил из кармана белый платок с монограммой «МО» и промокнул лоб.

– Искра Булатовна, Вам не кажется, что поведение этой

бесстыдной машины вышло за всякие рамки?

– Я полагаю, Вам следует донести свои опасения до Артёма Игоревича, может быть, он сможет провести калибровку, – нейрофизиолог ласково улыбнулась коллеге, – или Вам просто стоит смириться с эволюцией искусственного интеллекта и признать собственное поражение.

Огнецвет с недоверием поглядел на Элинскую, и, откашлявшись произнёс:

– Третий этаж! Отдел нейронной инженерии, – велел Максим Константинович лифту. Кабина начала подниматься, – Вы же в курсе, уважаемая, что мы всё это время просто стояли?

Лаборатория отдела нейронной инженерии встретила поднявшихся коллег холодным светом электролюминесцентных ламп. *«Тружусь здесь более десяти лет, а ни одна лампочка не перегорела, надо же»* – отметил про себя Огнецвет. Двери перед сотрудниками отворились сразу же. Максим Константинович и Искра вошли внутрь, пройдя сразу в раздевалку.

– Вот бы и внизу установили такую же безмолвную систему. Молча распознаёт, впускает и всё, – удручённо посетовал Огнецвет, снимая свой совершенно сухой дождевик и пряча его в шкафчик. Его бледные руки вытащили с полки белый халат, украшенный логотипом компании. Элинская, облачившись в свой, поглядела на коллегу, пытавшегося попасть

руками в рукава халата. Движения инженера были слишком дёрганными, и он рисковал порвать одежду.

– А как же тогда приветствовать и пропускать клиентов, заказчиков? Организовывать ресепшен по старинке? – возразила Искра. Максим Константинович, справившись с рукавами недовольно фыркнул:

– Мне было бы куда приятней слышать приветствия по утрам от живого человека, чем от зарвавшейся Галы.

Огнецвет дрожащими пальцами застёгивал халат. Он пропустил одну из пуговиц, и следующая была вде́та в непредназначенную для неё петлю. Элинская заметила оплошность коллеги:

– Вы так рассеянны сегодня, – изящным движением тонкой руки она указала на халат инженера, – поправьте и оставьте свои обиды на «Галатею», нам предстоит долгий день. Нужно скорее закончить с «Диной», дописать статью, опубликовать результаты, и, возможно, нам разрешат перейти к фазе испытаний раньше.

Максим Константинович согласно кивнул, его лицо прояснилось. Работа лучше всего отвлекала Огнецвета от негативных мыслей. Нейрофизиолог и инженер прошли в основную часть лаборатории, к прямоугольному столу. В его выполненной из матового стекла поверхности был встроен компьютер. Максим Константинович с нежностью провёл по гладкой столешнице.

– Дина, доброе утро! Пора работать, – мягко пробудил

устройство Огнецвет.

– *Доброе утро, Максим Константинович, выполняется загрузка,* – голос Дины звучал несколько холодней, чем у Галы и куда равнодушной. Правда, инженера это полностью устраивало.

– Вы же хотели выпить кофе, – справедливо напомнила Искра, глядя на Огнецвета, не отрывавшего заморожённого взора от голограммы загружавшегося компьютера. Словно рождённые голубым пламенем, линии сплетались в круг. Когда была нарисована «S» в центре круга, свидетельствовавшая о полной готовности прибора к работе, Максим Константинович повернулся к Элинской.

– И ведь Вы снова правы. Пожалуй, так и сделаем.

Глава 3. «Sentio»

Декодер Импульсов Нейронов показывал ошеломительные результаты. Расшифровка паттернов активности головного мозга происходила за доли секунды, а получить целое изображение в визуализаторе «Дины», образ которого представлял испытуемый, можно было уже через десять секунд. К тестированию на людях допуск дали буквально через три недели, после представленного успеха апробации нейросети Максимом Константиновичем и Искрой Булатовой.

Схожее исследование проводили тридцать два года назад в Японии, но то, чего добились Элинская и Огнецвет было недостижимо. Правда, схожий проект вели и в Москве. Крупная корпорация «Veritas», специализирующаяся на бионических технологиях, не так давно стала расширять свою компанию, открывая новые лаборатории. Руководство последней, основанной для нейротехнологических разработок, заявило о создании похожего прибора. Никаких подробностей, научных статей опубликовано не было. Только своеобразное объявление о конкурентоспособном проекте против «Sentio».

Максим Константинович, практически ночевавший последние две недели на работе, удовлетворённо кивнул сам себе, что-то отмечая в планшете. Он задумчиво почесал покрывшийся колючей щетиной подбородок и поднял покрас-

невшие от недосыпа глаза на Искру. Синева, тенью залёгшая под веками Элинской тоже говорила о явной нехватке сна.

– Искра Булатовна, как Вы думаете, мы можем перейти к следующей фазе? Передача изображения от человека к компьютеру прошла успешно, но, возможно, нам пора попробовать обмен образами между нами? Перед тем как вовлечь в процесс испытуемых? – неуверенно предложил Огнецвет. Он провёл отросшими ногтями по подбородку ещё раз. Нейрофизиолог закусил губу и выдержала недолгую паузу, размышляя. Она поглядела на голограмму в виде буквы «S», плавно кружившуюся вокруг своей оси. Элинская, помедлив, тихо ответила:

– Тихон Сергеевич настоятельно рекомендовал нам не проводить испытания на себе.

Максим Константинович удивлённо вскинул брови и несколько раздражённо поправил очки.

– С каких пор Березовский даёт такие указания?

– Тихон Сергеевич считает, что наши головы уж слишком ценны... — произнесла Искра Булатовна, не особо веря в собственные слова. Уголки её тонких губ едва дёрнулись, будто она передумала улыбаться. Огнецвет вонзил свой взгляд словно нож в раздвижные двери лаборатории, точно надеялся увидеть там Березовского. Инженер хмыкнул:

– Головы... Даже не разум, не умы, а головы... Всё, что нужно знать «Тихоне Сергеевиче», – разочарованно проговорил Максим Константинович, невольно копируя интонацию

коллеги. Элинская, казалось, не обратила на это никакого внимания. Своя голова ей, безусловно, нравилась. Но приступить к официальным испытаниям на добровольцах без тестирования устройства на себе считала неэтичным. Да что там, совершенно неприемлемым. Поэтому, она только поинтересовалась у Огнецвета:

– Когда Вы готовы приступить, Максим Константинович?

Искра и Огнецвет договорились о начале тестирования «Sentio» после обеда. В это время большая часть сотрудников снижала свой темп работы, и, как следствие, беспокоили Максима Константиновича и Искру Булатовну по всяким «мелочам» куда реже, чем, скажем, утром. Пойти на обед инженер и нейрофизиолог решили в кафе на первом этаже, вместе. Еду привозили упакованной, нужно было только выбрать нужную позицию на компьютерной панели самообслуживания и подтвердить покупку. И вот, уже через минуту, перед покупателем было готово горячее блюдо.

Огнецвет и Элинская сели за столик в углу кафетерия. Максим Константинович вяло потыкал вилкой плов, придирчиво понюхал еду и с тяжким вздохом отодвинул от себя прямоугольный контейнер. Искра Булатовна, не успевшая толком позавтракать, сразу приступила к трапезе. Инженер не мог отрицать, что блюдо, которое предпочла его коллега, пахло восхитительно.

– Искра Булатовна, что Вы решили взять сегодня? Аро-

мат потрясающий, – любопытствовал Огнецвет, втягивая носом воздух. С детства, когда Максим Константинович ещё был просто Максом, ему больше приходилась по вкусу еда из соседней тарелки, нежели из своей. Собственно, это касалось не только еды. И трава за забором зеленей, и другу с учёбой больше везёт. А став взрослым, ему стало казаться, что коллеги и успешней, и зарабатывают больше него. Всё-то Огнецвета не устраивало, начиная с выбранного плова на обед и заканчивая собственной профессией.

Сочетание запахов чеснока, розмарина и чёрного перца для Искры было вполне привычным и восторг инженера ей показался странным.

– Да это обычное куриное фрикасе, ничего особенного, поверьте. Ваш плов выглядит и пахнет ничуть не хуже, – постаралась убедить его Элинская, одаривая коллегу мимолётной улыбкой. Огнецвет тоскливо поглядел на желтоватый рис с кусочками баранины, и, позавидовав здоровому аппетиту нейрофизиолога, решил повторить попытку пообедать.

Выходя из кафетерия, Искра Булатовна почувствовала, что её клонит в сон. Начавший вырабатываться инсулин в организме после приёма пищи давал о себе знать. Элинская и Максим Константинович медленно, словно осенние мухи, направлялись к лифту. В холле было практически пусто, возвращавшиеся с обеда коллеги приветственно кивали Огнецвету и Элинской, раздвигая губы в дежурной улыбке. Никто

особо не горел желанием сблизиться ни с нейрофизиологом из другой организации, ни с замкнутым инженером. В бывшей кабине Искра и Максим Константинович поднимались одни.

– Знаете, я должен признать, что с Вашим приходом, работать в этой лаборатории мне стало намного комфортней, – смущённо улыбнувшись, поведал Огнецвет Элинской. Искра вспыхнула. Она чувствовала тоже самое. В Москве, в родном НИИ, казалось, от самих стен холодом веет.

– *Ах, какая пара. Искра и Огнецвет. Огнеопасное сочетание,* – вредно пошутила Гала. Механический голос, подобно отравленным зубам кобры, источал яд. Сенсорная панель, на которой обычно пламенели синим цветом цифры этажей, неожиданно возникло разделённое на сферы лицо Галы. Цифровые волосы, развевавшиеся, как будто на ветру, навели инженера на мысль о Медузе Горгоне. «*Надо было назвать “Галатею” “Горгоной”, гораздо больше подходит этой язве*» – пришло сравнение в голову Максиму Константиновичу. Он с досадой глянул на ехидно ухмыляющуюся Галу и перевёл взгляд на Элинскую.

– Искра Булатовна, а если я, скажем, ненадолго перезагружу систему безопасности, Гала тоже будет вынуждена отключиться? – с притворным беспокойством осведомился у коллеги инженер. Нейрофизиолог чуть слышно хихикнула, а Огнецвет мстительно продолжил: – а если ещё и на кибератаку проверку запустить...

– Можно было просто попросить меня оставить вас, и желательно вежливо, – быстро отозвалась «Галатея» и поспешила покинуть экран.

Элинская рассмеялась, а Максим Константинович взъерошил пятернёй волосы на своём затылке.

– Видимо, и правда, придётся поговорить с Артёмом Игоревичем. Совсем наша Галочка отбилась от рук.

– Полностью Вас поддерживаю, – выразила своё согласие сквозь смех Искра.

Тишина белоснежной лаборатории нарушалась лишь гулом запущенной «Дины». Элинская нервно потёрла затёкшую шею и с недоверием уставилась на предложенные ей Огнецветом маленькие кругляшки. Буквы «S» периодически вспыхивали в центре каждой капсулы-приёмника. Дрожащей рукой Искра Булатовна подцепила приборы, на секунду, соприкоснувшись с влажной кожей рук Максима Константиновича. Инженер тоже переживал, хотя свои капсулы он уже разместил за ушными раковинами. Система быстро уловила новое подключение и на голограмме сияла надпись: «*“Sentio-1”, обнаружено устройство*».

– Вам помочь? – спросил Элинскую Огнецвет, потянувшись к переданным капсулам. Но Искра спрятала кругляшки в зажатых кулачках и отпрянула.

– Спасибо, я сама замечательно справлюсь, Максим Константинович, – нарочито официально отказалась от помощи

нейрофизиолог. Огнецвет опустил протянутые руки и скрывая разочарование, отвернулся к компьютеру.

– Тогда прикрепляйте, и как только система обнаружит второй комплект, мы сможем с Вами начать эксперимент.

Искра торопливо закрепила капсулы в тех же точках, что и её коллега, и почувствовала, как её собственный, вживлённый пару лет назад нейрочип «почуял» передатчик.

На голографическом экране появилась ещё одна строка: «“Sentio-2”, обнаружено устройство». Сердце Элинской забилось быстрее, в ушах зашумело. Она молча созерцала расфокусированным взглядом вспыхнувшую надпись. Огнецвет, заметивший реакцию коллеги, хлопнул в ладоши, заставив этим нейрофизиолога вздрогнуть.

– Искра Булатовна, ну что Вы замерли? Давайте уже начнём. «Дина» нам понадобится только для регистрации показателей.

Элинская сглотнула подступивший к горлу ком.

– Разумеется, – севшим голосом откликнулась Искра и села на стул, выставленный в центр кабинета. Второй, стоявший напротив, занял Максим Константинович. От лица нейрофизиолога словно отлила кровь, выглядела она подобно больному анемией. Огнецвет вздохнул:

– Да не волнуйтесь Вы так, нам нужно только сосредоточиться на чём-то конкретном, на том, чтобы мы хотели передать друг другу. Создать некое сообщение. Дамы вперёд?

Улыбка инженера вместо ободряющей вышла кривой. Ис-

кра распрямила плечи и села на стуле ровно.

– Хорошо. Я сейчас попробую Вам передать образ. Очень простой, смею заметить.

Элинская расслабила мышцы лица и прикрыла веки. Огнецвет отзеркалил движения коллеги. Сначала он не заметил никаких изменений, только почувствовал лёгкую вибрацию за ушами. Затем, вместо наступившей темноты он начал видеть свет, как бывает, когда рассвет сменяет ночь. После, светящееся пятно преобразилось в какой-то белый комоч. Через секунду инженер смог увидеть, что комочек пушистый, лежит он на собственных лапках, жёлтые глаза, сияющие на мордочке с розовым носиком, настороженно мигают. «Котёнок, надо же» – догадался Максим Константинович. Изображение было нечётким, ускользающим, разглядеть котёнка в деталях не представлялось возможным. Только комочек, обёрнутый собственным хвостиком. Максим Константинович мягко рассмеялся:

– Ваш котик?

– Моя кошка, уже большая. Маркиза, маме на работе подбросили, теперь нас трое, – не открывая глаз, ответила Искра. Беседа развеяла образ пушистого друга и оставила после себя изначальную темноту. Огнецвет распахнул глаза.

– Теперь моя очередь, я полагаю?

Глава 4. Мнемосина

В городе сгущались сумерки. На Санкт-Петербург плавно опускалась ночь, укрывая в своей тени сияющие огни улиц. Туман призрачной дымкой плыл над водами переполненных каналов и рек. Когда-то Северная столица могла похвастаться сохранностью исторических зданий, но первоначальный облик Питера, а точнее, то, что спустя годы от него осталось, смёл техногенный ураган. Прогресс выменял новые блага для людей на неоновый свет. Чистоту воздуха сохраняли гравитобусы и электромобили, но вместо парков и скверов градоначальники разбивали станции для зарядки транспорта. Скуднее зелень, больше новшеств и куда меньше души. По крайней мере, именно так думал коренной петербуржец Огнецвет, который очень скучал по утреннему пению ранних пташек во дворах, под которое просыпался в детстве. Нет деревьев, нет и птиц.

Время близилось к полуночи, но на Невском проспекте кипела жизнь. Максим Константинович, лавировал в бредущей толпе, стараясь ни с кем не столкнуться. Увлечённый собственными мыслями, он и сам не заметил, как рука по старой памяти машинально скользнула в карман пиджака из лёгкой ткани. Пальцы инженера не нашли там сигарет, запрещённых к производству ещё пятнадцать лет на-

зад, но зато сомкнулись на пластиковой карточке. В самой карте не было никакой нужды, а вот микрочип, что блеснул огоньком в углу прозрачного прямоугольника, представлял особую ценность. Воспоминания о, вне всякого сомнения, успешном эксперименте он перенёс на внешний накопитель. Огнецвет не доверял ни нейрочипу у себя в голове, ни даже собственной памяти.

У бывшего здания «Зингер», вокруг стеклянного купола которого вращалась голограмма рекламы биоразлагаемого пластика, он свернул к каналу Грибоедова, проходя мимо колонн Казанского собора. *«И всё это творится руками моих коллег, эта безвкусица, тяга к никому не нужному совершенству... А я бы так хотел вернуться в юную пору и просто насладиться чёртовым пыльным ветром да чириканьем воробьёв, что столь настойчиво выпрашивали у меня булочные крошки»* – тоскливые думы опутывали разум инженера, всё чаще предавшегося ностальгии по былым временам.

Ноги привели инженера в безлюдный переулок, под подошвами тонких ботинок шелестели обрывки газеты. *«Газета? В нашем-то безбумажном мире, такая редкость...»* – удивился Максим Константинович и наклонился, чтобы лучше рассмотреть брошенное печатное издание. Он не носил никаких облегчающих жизнь человека гаджетов, его бледное, с золотистыми волосками запястье, украшали отцовские часы с крупным циферблатом. Чтобы посветить, он

вытащил из кармана брюк практически вышедший из употребления смартфон, модель которого имела популярность среди населения старшего возраста. Старым себя Огнецвет не ощущал. Вспышка камеры телефона озарила надпись: «*Революция в веке цифровизации! Виртуальная реальность или...*» – окончание заголовка было стёрто. Инженер провёл указательным пальцем выцветшим буквам.

– Огнецвет Максим Константинович? – глухой бас, раздавшийся сзади, заставил склонившегося инженера резко выпрямиться и повернуться на голос. Он отступил, смятая неосторожной поступью газету.

– Я... кто Вы? – хрипловатым голосом спросил у незнакомца Огнецвет. Тёмный силуэт мужчины, чью высокую фигуру так удачно маскировал погасший фонарь, сделал шаг в сторону Максима Константиновича.

– Думаю, Вам стоит пойти со мной.

Огнецвет шумно сглотнул, а рука вновь вернулась в карман. Инженер немного успокоился, найдя в нём карточку. «*Будь что будет*» – обречённо подумал Максим Константинович и подошёл к незнакомцу.

Искра потянулась в постели. Восход солнца разбудил Элинскую огненными всполохами, озарившими низкое небо. Шторы не были задёрнуты, позволяя Искре, страдавшей этой ночью бессонницей, наблюдать за высококучевыми облаками. Предчувствие скорой беды заставляло её пульс

участвовать. Мысли подобно встревоженным чайкам кружили в голове нейрофизиолога. Сегодня они с Огнецветом должны были приступить ко второй фазе испытаний: исследуемая группа была сформирована, участники эксперимента уже разбиты на пары. Она свесила ноги с кровати, и, коснувшись ступнями прохладного паркета, невольно поджала пальцы. Квартира, в которой жила Элинская была довольно просторной и находилась в старом доме на Васильевском острове. Выживший после бури две тысячи тридцать четвёртого года, центр острова в Невской дельте сохранил несколько улиц. Жителей, лишившихся из-за разъярённой стихии крыш над головой, расселили в других районах города.

Искра накинула на себя шёлковый халат и зевнула, завязывая пояс на узкой талии.

– Дульсура⁴, американо, – скомандовала кофеварке Элинская, входя в кухню. Кофемашина с едва слышным шипением начала работу. Спустя тридцать секунд, белая фарфоровая кружка наполнилась ароматным напитком. На дисплее три сорок пять. У нейрофизиолога оставалось много времени, чтобы успеть принять душ, позавтракать и не спеша собраться. Как обычно, Искра планировала выйти на Фрунзенской и пройтись до корпорации пешком. Правда, настроения на утреннюю прогулку у Элинской не было.

Выйдя из метро, нейрофизиолог решила в этот раз добраться до лаборатории на гравитобусе. В ходе их совмест-

⁴ Dulzura (исп.) – сладость. Вымышленное название фирмы кофемашины.

ной с Огнецветом работы, инженер тоже повадился приезжать раньше. Искра повертела головой, вглядываясь в лица входящих в транспорт пассажиров. Ни один из прибывших не был Максимом Константиновичем. Отчего-то это расстроило Элинскую.

На остановке двери гравитобуса отворились, и Искра в растрёпанных чувствах вышла на улицу. Оставалось пройти совсем немного и вот она уже у стеклянных дверей компании. Едва нейрофизиолог ступила на крыльцо здания, как Гала её равнодушно поприветствовала:

– *Доброе утро, Искра Булатовна. Желаю Вам хорошего дня.*

«Надеюсь, оно действительно будет добрым» – печальная мысль пронзила сознание Элинской, но вслух Искра лишь сказала:

– И тебе, Гала.

Рабочий день начался.

Поднявшись на третий этаж, нейрофизиолог обнаружила лабораторию отдела нейронной инженерии пустой. Лаборанты ещё не пришли. А главное, не было и Максима Константиновича. Элинская поглядела на свой браслет. Его голографический экран бесстрастно отобразил время: восемь ноль-ноль. Она пришла на час раньше. «*Может, он придёт сегодня не раньше, а вовремя, к девяти. В конце концов, нельзя же всё время посвящать работе, так и до нервного срыва*

недалеко...» – Искра успокоила себя разумным доводом, и, решив отбросить волнение хотя бы на час, приступила к своим обязанностям.

Шестьдесят минут пролетели как пущенная из лука стрела. И эта стрела заставила нейрофизиолога вернуться к своим невесёлым размышлениям. Она поглядела на вход в лабораторию, и, нахмурившись, осмелилась записать Огнецвету голосовое сообщение:

– *«Доброе утро! Максим Константинович, Вы где? Напоминаю, ровно в десять у нас назначены испытания»*.

Элинской показалось, что сообщение вышло чересчур официальным, поэтому добавила:

– *«Я волнуюсь, у Вас всё хорошо?»*.

Ни спустя минуту, ни спустя пять и даже тридцать минут, ответа Искра так и не получила. В ушах начало шуметь, зрение начало подводить, предметы расплывались. Проморгавшись, Элинская подошла к раковине в углу кабинета и поплескала себе водой на лицо. Благо, в жару косметикой она не пользовалась. Впрочем, не только в жару. Придя в себя, Искра направилась прочь из лаборатории напрямиком к начальнику отдела, Березовскому.

Тихон Сергеевич на удивление быстро её принял. Он сидел за большим письменным столом. Березовский предложил ей сесть в кресло напротив. Искра Булатовна отрицательно помотала головой. Она была вся как на иголках и осталась стоять.

– Он не пришёл! Огнецвета нет, на сообщения не отвечает, у нас уже через пятнадцать минут тестирование, а без него «Дину» я не запущу! – последние слова прозвучали для нежных ушей Березовского особенно высоко. Сам он был мужчиной небольшого росточка, с залысынами, тянувшимися к поросшему седыми волосами темени. Тихон Сергеевич всегда был тихим человеком, которому почему-то вечно попадались весьма громкие люди. Современный мир позволял ему ограничить общение до минимума, но профессиональные коммуникации никто не отменял. Начальник прочистил горло и внимательно посмотрел на переминавшуюся с ноги на ногу Элинскую.

– Искра Булатовна, мы постараемся найти Максима Константиновича. Впрочем, осмелюсь предположить, что паника напрасна. Уверен, Огнецвет сам скоро объявится. Мало ли, что у человека могло случиться, – спокойно проговорил Березовский. Нейрофизиолог ещё больше нахмурилась, опустила в кресло и задала свой главный вопрос:

– Что делать с группой? Все пришли, а запустить процесс некому.

Тихон Сергеевич с невозмутимым лицом ответил:

– Ничего. Отправим участников по домам, перенесём испытание на другой день в связи с техническими причинами. Такое бывает, не мы первые, не мы последние.

Умиротворяющий тон начальника немного утешил Искру. Березовский, помолчав несколько секунд, поинтересо-

вался у нейрофизиолога:

– Искра Булатовна, Вы уверены, что без Огнецвета никак не справитесь?

Элинская фыркнула:

– Разумеется, уверена. Если «Дину» нужно будет подключить к «Sentio», я, конечно, могу попробовать. Даже есть вероятность, что мне это удастся. А вот с дальнейшим... Тут нужен Максим Константинович. Всё, что связано с нейронной активностью, я увижу, но взаимодействие «Sentio» с нейрочипом, увы, я отследить не смогу. Поэтому очень надеюсь, что наш доблестный инженер скоро вернётся, – резюмировала Искра. О том, что она надеялась на возвращение Огнецвета не только из-за его профессиональных качеств, нейрофизиолог умолчала.

– Хорошо. Я улажу все дела касательно группы. Если Огнецвет появится, дайте мне знать, – попросил Элинскую Тихон Сергеевич, вставая. Искра поняла непрозрачный намёк, и, кивнув начальнику напоследок, удалилась из его кабинета.

Белые стены лаборатории нервировали Элинскую. Абсолютная тишина, прерываемая только звуком запущенной «Дины», угнетала. Искра предпринимала попытки за работой отвлечься от мыслей о пропавшем коллеге, но в одиночку процесс не шёл. За окном начало темнеть, но Максим Константинович так и не появился. Никаких вестей Искра от инженера не получила. *«Где же ты?»* – снова и снова

она возвращалась к одному и тому же вопросу. Понимая, что своим поступком она нарушает этику, подрывает доверие коллеги, Элинская подошла к столу Огнецвета и нажала «пуск» на сенсорной панели его личного компьютера. Пароль она знала, отчего на душе нейрофизиолога заскребли кошки. Система загрузилась быстро. Искру интересовали сохранённые воспоминания Максима Константиновича.

– Мнемосина, активация, – дала голосовую команду компьютеру Элинская. Появилась голограмма вращающихся кубов, и с каждой секундой их количество увеличивалось. Если «Галатея» появлялась на экранах в виде сфер, складывавшихся в лицо девушки, то «Мнемосина» состояла из кубов. Искусственный интеллект «Мнемосина», подключившись к нейрочипу, позволяла перенести воспоминания, а вернее сказать, визуальные образы, с помощью нейрочипа на компьютер. Сина, как называли виртуальную помощницу в лаборатории, помогала сделать копию в «облаке» или сохранить информацию на «карте памяти» – внешнем носителе, занести воспоминания в архив, просматривать их, а также стирать. Всё благодаря проекту «Sentio». После завершения первого этапа, состоявшего в передаче представляемого человеком изображения компьютеру, была разработана «Мнемосина». Этакий гибрид «Галатеи» и «Дины», детище Огнецвета, Элинской и Санду. Артём Игоревич Санду не воспринял всерьёз жалобы Максима Константиновича на Галу, но с удовольствием помог с разработкой «Мнемосины».

– Назовите пароль, – потребовал электронный голос Сины. Искра Булатовна назвала тот же, что и при запуске операционной системы:

– Corvus corax⁵.

– Пароль неверный, – холодно отозвалась Сина. Элинская вздохнула и наивно предположила:

– Огнецвет?

– Пароль неверный.

Снова мимо. Нейрофизиолог раздражённо цыкнула и попыталась ещё раз:

– Искра.

– Пароль неверный.

– Да это невыносимо! – воскликнула Элинская и запустила пальцы в волосы. Послав Сину ко всем чертям, она отключила питание, и, попросив Галу погасить свет, покинула лабораторию.

Максим Константинович не явился и на следующий день. Тихон Сергеевич сам зашёл в лабораторию ближе к полудню.

– Значит, нам нужно заменить Огнецвета. К нему уже и домой сходили, проверить. Никакой активности в сети, никому не звонил, не писал. Санду пока тебе будет помогать, – объяснял Березовский ситуацию Искре Булатовне. Элинская слушала начальника молча, а по её спине мурашками пробежал страх. Заметив напуганный взгляд нейрофизиолога,

⁵ Ворон (лат.)

бесцельно направленный в стену, Тихон Сергеевич тихо позвал Элинскую:

– Искра Булатовна? Всё хорошо? Может, хотите чем-нибудь поделиться?

Искра и начальник встретились глазами. Она неохотно отозвалась:

– Нет, я в порядке и всё поняла. Поработаю с Артёмом Игоревичем.

Березовский, осознавая, что нейрофизиолог далеко не в порядке, всё же повторил сказанную днём ранее фразу:

– Не волнуйтесь, Огнецвет сам скоро объявится.

От слуха Элинской не утаилось, что уверенности в голосе Тихона Сергеевича поубавилось.

Глава 5. Ланграф

Со дня исчезновения Огнецвета прошла неделя. Куда он мог пропасть, никто не смел и предположить. Поиски силами компании успехом не увенчались. Искра Булатовна прислонилась к стене, и скрестив руки на груди, покосилась на Санду. Она невольно скривилась: Артём Игоревич вызывал у неё крайнее раздражение и несметное количество минут, проведённых вместе, ситуацию не улучшали.

– J'abandonne⁶! Всё, с меня хватит. Не имею ни малейшего понятия, что сотворил с кодом Максим Константинович, но больше я ничего сделать не могу.

Санду гневно хлопнул по компьютерной панели крупными ладонями и отошёл в сторону. Элинская, выслушав негодование Артёма Игоревича, тихо ликовала. Инженер, назначенный временно заменить Огнецвета, несколько лет назад работал в отделе нейронной инженерии. И теперь, он каждый день опаздывал ровно на двадцать минут, тогда как Искра приходила по-прежнему на час раньше. Его фланелевая рубашка пропиталась насквозь запахом табака, на который был давно введён мораторий, а рабочий халат, усеянный пятнами неизвестного происхождения, заставлял нейрофизио-

⁶ Я сдаюсь! (фр.)

лога морщиться от отвращения. А главное, он не был Максимом Константиновичем.

– Так, может, Вам стоит отказаться от проекта? Будем уповать на возвращение Огнецвета, – робко предложила Элинская, надеясь, что гордый Артём Игоревич, вернётся в свой отдел инженерных систем. Искру мутило от одного взгляда на одутловатое лицо Санду. Инженер развернулся к Элинской, и его маленькие глазки сощурились. Он сердито засопел и ответил тоном, не предвещающим ничего хорошего:

– Вам всё не терпится от меня избавиться, Искра Булатовна. Я для Вас как бельмо на глазу. Не беспокойтесь, не премину сообщить Тихону Сергеевичу о своём полном профессиональном бессилии.

Артём Игоревич, не скрывая своего возмущения, устремился к выходу из лаборатории. От столь быстрого шага, полы его не слишком чистого халата, развевались, что придавало его походке ещё более угрожающий вид. Демонстрация праведного гнева не возымела на Элинскую никакого эффекта. Разве что, ей стало немного легче от ухода обозлённого инженера.

Березовский вновь не стал вызывать в свой кабинет Искру Булатовну, а лично сам спустился в лабораторию.

– Такс-с... – протянул Тихон Сергеевич, переводя свой взгляд с голограммы в виде вращающейся буквы «S» на

Элинскую и обратно. Человеком он был бесконфликтным, руководителем мягким, а женщин и вовсе несколько остерегался. Иногда даже побаивался. Как ему удавалось развивать корпорацию и умудриться вывести её в лидеры – загадка.

– Ну не томите, Тихон Сергеевич. Максима Константиновича уже неделю нет. Где он, никто не знает. Пожалуй, стоит хотя бы приостановить проект? Вам же Санду всё объяснил, – с плохо скрытым нетерпением поторопила начальника Искра. Березовский медлил с решением. Закрытие проекта означало потерю денег, пропажа ведущего инженера грозила оставить пятно на репутации всей компании, почти столь же плохо отмывающееся, как и следы на халате Артёма Игоревича. Продолжить работу над «Sentio» тоже не представлялось вероятным. Начальник пристально посмотрел в глаза Элинской. Затем он негромко произнёс:

– Искра Булатовна, Вы точно ничего не хотите мне рассказать?

Взгляд Тихона Сергеевича был подобен рентгеновским лучам и под его изучающим взором нейрофизиолог почувствовала себя неуютно. Если бы к ним был сейчас подключён «Sentio», то Березовский смог бы увидеть всплывающее в разуме Элинской воспоминание.

В тот самый вечер, когда прибор впервые испытали на себе Искра и Огнецвет, Максим Константинович взамен посланному ему изображению котёнка, отправил загадочный образ мужчины, высокого, крупного. Черты лица размыты,

словно во сне. Следующая картинка не менее волнительна: личный компьютер инженера, приложенная «карта памяти» и перестраивающиеся кубы Сины. Видения нечёткие, но вполне доступные для понимания. После эксперимента, Элинская уточнила:

– Максим Константинович... Мне стоит беспокоиться?

Ответом послужила лёгкая улыбка Огнецвета и едва ощутимое касание его руки к её запястью. Больше Искра ничего добиться от молчаливого коллеги не смогла. Сейчас она жалела, что не была достаточно настойчивой и упорной. Вдруг Максиму Константиновичу кто-то угрожал? И теперь из-за того, что она отступила, над ним нависла опасность?

– Нет, Тихон Сергеевич, мне нечего сказать, – твёрдо заявила Элинская, вырвавшись из пут воспоминаний. Начальник поджал губы и кивнул.

– Надеюсь, если Вы будете в дальнейшем располагать информацией, которая может помочь поискам, то поделитесь со мной.

Голос Березовского был бесцветен, звучал сухо. Искра Булатовна с жаром подтвердила:

– Безусловно, как что узнаю, сразу к Вам.

Несолено хлебавши, Тихон Сергеевич вернулся к себе.

Без Огнецвета заниматься исследованиями не имело смысла, свою часть работы нейрофизиолог выполнила давно. Содействие Артёма Игоревича лишь отдаляло неизбежное

завершение проекта. Решив, что более нет причин задерживаться на работе, Элинская начала собираться домой.

Временное жилище встретило Искру запахами выстиранного белья и средства для мытья паркета. Уборка, проведённая накануне, помогла ей немного успокоиться. В квартире было тихо, ветерок покачивал занавески открытых окон. Скинув с себя обувь, Искра бросила ключи на столик в прихожей и прошла в комнату. Из-за стянутого на затылке тугого пучка, у Элинской разболелась голова. Искра с наслаждением распустила волосы, и они волнами легли на спину. От жаркой погоды хлопковая рубашка стала влажной и неприятно липла к коже. Элинская почувствовала непреодолимое желание принять душ, желательно в одежде. У неё не хватало сил даже снять с себя рубашку и брюки. Платья нейрофизиолог не выносила на дух. Едва она начала плавно расстёгивать застревающие в петлях пуговицы, как за спиной раздалось покашливание. Вскрикнув от испуга и неожиданности, Искра схватила валявшуюся на диване массивную энциклопедию двадцатых годов и замахнулась книгой на пришельца.

– Искра Булатовна! Это я!

Прикрывающий огромными ручищами голову Ланграф, выглядел нелепо. Его волосы цвета соли с перцем забавно взъерошились, и образ строгого, большого начальника померк в глазах Элинской. Она шагнула в сторону, на всякий случай, не выпуская из рук увесистый том.

– Борис Семёнович? – тихо позвала она Ланграфа, будто боялась напугать. Начальник выпрямился во весь свой немалый рост.

– Что же ты, Искорка, сразу за книжки хватаешься.

Он отряхнул с рукавов тёмно-синего пиджака невидимые пылинки. Его брюки, подобранные в тон пиджаку, были измяты. Некрасивые складки на костюме вкупе со взлохмаченными волосами придавали Борису Семёновичу жалкий вид. Нейрофизиолог положила книгу на пол и растерянно поинтересовалась:

– Так что Вы здесь делаете?

Ланграф неопределённо крякнул и пригладил растрёпанные пряди.

– Ох, Искра Булатовна. Ты даже не представляешь, в чём тебе пришлось принять участие.

Элинская ощутила в груди зарождающуюся ярость. Жгучая волна гнева, подобно лаве, извергаемой вулканом, начала подниматься на поверхность. Искра выпалила:

– А как, собственно, Вы сюда попали?! А? Почему нельзя было просто позвонить? Я бы Вам открыла, уж будьте уверены!

Смущённый напором Элинской, Борис Семёнович пробасил:

– Та-а-к Аллочка же тебе квартиру подбирала, у меня запасные ключи есть. Да и разговор нетелефонный.

Нейрофизиолог слушала начальника и чувствовала, как

внутри неё клокочет злость. *«Огнецвет пропал. “Sentio” крышка. С проекта меня снимут. Я возвращаюсь. Почему нужно было вламываться ко мне в квартиру?»* – точно балующийся с выключателем ребёнок, Искра переключалась с одной мысли на другую.

– Всё равно это Вас не оправдывает. Вы знаете, что мой коллега, инженер Огнецвет Максим Константинович пропал? Представляете, как мне страшно?

Ланграф кивнул.

– Именно поэтому я здесь. Сядь, пожалуйста, беседа будет долгой.

Искра хотела было ответить Борису Семёновичу, но лицо начальника в миг стало серьёзным, а желание сражаться Элинскую покинуло столь же быстро, как и зародилось. Она послушно опустилась на диван. Ланграф последовал её примеру.

– Полагаю, начать нужно с самого начала?

Глава 6. «Veritas»

Элинская отвечать не стала. На её лице застыло выражение полной отрешённости. Испытав столь широкий спектр эмоций всего за каких-то двадцать минут, Искра чувствовала себя вымотанной. Борис Семёнович, напротив, ощутив прилив сил и он, не дожидаясь реакции нейрофизиолога, начал свой рассказ:

– Итак... Искорка... Помнишь такой замечательный мысленный эксперимент как «Кот Шрёдингера⁷»?

Элинская свела тонкие брови к переносице и в некотором замешательстве подтвердила:

– Естественно. Правда, хочу напомнить, квантовая механика не является моей сильной стороной. Какое это имеет отношение к делу?

Ланграф отмахнулся:

– Дело не в физике. Суть в том, что кот, до того момента

⁷ Кот находится в стальном сейфе вместе с устройством, защищённом от животного. В счётчик Гейгера положена невероятно малая крупинка радиоактивного вещества. За час может распасться один из атомов, но при этом, с равными шансами может не распасться ни один. Если атом распадается, счётчик приведёт в действие молоточек, который разобьёт колбу с синильной кислотой. Предоставив эту систему самой себе в течение часа, можно предположить, что кот ещё жив, если за это время не распался ни один атом. Первый же распад привёл бы к отравлению кота.

пока мы не открыли сейф, может быть одновременно и жив, и мёртв.

Искра покачала головой и возразила:

– Вы же сами прекрасно знаете, что этого не может быть. Либо жив, либо мёртв. Эксперимент был предложен из-за споров в отношении волновой функции. Суть и состояла в том, чтобы доказать, что такое состояние, быть одновременно и живым, и мёртвым, невозможно. Точнее, не скажу.

Борис Семёнович подался вперёд, опёрся локтями о колени и сцепил руки в замок. Он откашлялся перед тем, как продолжить:

– Кха-кха... верно, а говоришь не твоя сильная сторона. Дело и не в волновой функции тоже. Ты сейчас очень точно определила причину моего примера с котом Шрёдингера. Ведь кот и правда, не может быть одновременно живым и мёртвым. Или один вариант, или другой. – Он чуть помедлил, выдерживая паузу. Ланграф перевёл взгляд с Элинской на свои руки. Подушечки пальцев так сильно впились в тыльные стороны ладоней, что костяшки побелели. Борис Семёнович расслабил пальцы, снова посмотрев на нейрофизиолога.

– Так и с нашим печальным «Sentio». Упомяну старенький проект, пусть к нему и скептически отнеслись в народе, да и в некоторых структурах тоже. Отбирались люди, как раньше было принято говорить, со сверхъестественными способностями. Тебе, с точки зрения нейрофизиологии, это было бы

крайне любопытно. Ведь никаких «сверх способностей» не существует. Есть только неизведанные пределы функционирования головного мозга... Так вот. Набранной группой начали, интересоваться сама понимаешь какие органы. А интерес-то изначально был сугубо научный. Печально сложилась судьба этих добровольцев. Ведь можно было бы этого избежать. Благо, людей, столь одарённых, на свете немного. Теперь представь, что, если способность «читать мысли» станет доступна почти каждому у кого хватит средств на покупку «Sentio». Боюсь, в данном случае состояние kota известно заранее. Само собой, история склонна повторяться. Вот возьмём для примера использование допотопной ЭЭГ⁸. Пытались и её применить для «чтения мыслей», уж прости, запомнил в какой стране. Одной женщине не повезло. Дело дошло до уголовного наказания из-за полученных результатов. Подозреваемой задали стандартный вопрос о том, знакома ли она была с обстоятельствами убийства своего жениха. И, увы, электроэнцефалограмма показала, что да, – последняя фраза была произнесена особенно тихо.

Если верить Пауло Коэльо⁹, то взгляд показывает силу души. И в тот момент, выражение глаз Бориса Семёновича отражало все те душевные смятения, невероятную боль за всё человечество, что терзали его большое, доброе сердце. Немного помолчав, он вернулся к рассказу:

⁸ Электроэнцефалограмма головного мозга.

⁹ Бразильский прозаик и поэт.

– Мы сами неплохо справляемся с саморазрушением. Вместо того, чтобы развивать интеллект, мы напичкали его гаджетами и ждём, что эти новшества облегчат нам жизнь. Разумеется, я «за» прогресс, но потерять разум в потоке таких вот изобретений очень легко. Всё обращается против нас.

Ланграф невесело улыбнулся. Искра, едва не задохнувшись от возмущения, воскликнула:

– Вы решили помешать разработке прибора?! Поэтому послали меня? И вовсе не потому, что я «ведущий научный сотрудник».

Обвинив начальника во всех грехах, Искра откинулась на спинку дивана. Борис Семёнович поспешил возразить:

– Что ты, как раз наоборот! Отправил именно тебя, потому что только ты могла вдохнуть в это устройство жизнь, исследовать его возможности. Огнецвет, смею заметить, особенный инженер. Не встречал таких ранее.

Уловив произнесённую Ланграфом фамилию человека, вокруг которого и вращались мысли Элинской последнее время, Искра упёрлась настороженным взглядом в начальника:

– *«Не встречали»?* Как это понимать?

Борис Семёнович помялся. Он разжал руки, вставая с дивана. Внезапно он спросил:

– Не сочтите за наглость, но чаю не сделаете?

Опешив, Искра растерянно поморгала. Она хмыкнула:

– Сделаю. Зелёный, я полагаю?

Ланграф молча кивнул. Элинская поднялась с места и прошествовала в кухню, где отдала приказ машине:

– Дульсура, зелёный чай!

Шипение кофемашины подтвердило приём команды к действию.

– Что там с Огнецветом? – Искра вернула начальника к интересующему её вопросу. Терпение нейрофизиолога было на исходе.

Борис Семёнович опустился на венский стул из тёмного дерева. Потёр глаза. К нему потихоньку начала подступать усталость.

– С Максимом Константиновичем я встретился ещё до того, как принял решение отправить тебя в Питер. Припомнишь мою неожиданную командировку? Так вот. Я был в «Заслоне». Знакомство с Максимом Константиновичем вышло не слишком успешным. Как и тебе, я попытался донести ему, что не всегда прогресс сулит процветание. Иногда, это большая опасность. Огнецвет вначале отреагировал довольно резко, выгнав меня, процитирую: «убирайтесь к чёртовой матери, в свою чёртову Москву». Признаю, коммуникации не моя сильная сторона, прямо как у тебя квантовая механика, – Борис Семёнович улыбнулся, надеясь развеять напряжённую атмосферу, но Элинская продолжала сурово глядеть на начальника. Улыбка стекла с губ Ланграфа так быстро, будто её и не было вовсе.

– Что-о ж... Вторая встреча с нашим доблестным инженером прошла куда лучше. Про кота, к слову, я ему тоже поведал. Огнецвету требовалось какое-то время подумать. Размышлял он долго. Вы уже успели далеко продвинуться с «Sentio». В общем, чуть больше недели назад он дал мне положительный ответ, согласившись прекратить работу над устройством, сделав предварительно так, чтобы его деятельность подхватить никто не смог. И ему это удалось блестяще.

Искра вздохнула, и, поставив перед начальником чашку с чаем, поинтересовалась:

– Где он? Почему так таинственно?

Борис Семёнович подвинул к себе чашку, и отпив чаю негромко произнёс:

– В безопасном месте. Что ты почувствовала, когда твой коллега пропал?

Искра вспыхнула. Она поднесла прохладные ладони к щекам и ответила шёпотом:

– Испуг... Мне стало страшно...

Ланграф удовлетворённо кивнул в очередной раз:

– Как раз на эту реакцию я и рассчитывал. Такой резонанс в профессиональном сообществе! А теперь должна пропасть и ты.

– Что? – удивлённо спросила Элинская, пятясь к выходу из кухни.

Начальник замахал руками:

– Да не бойся, это понарошку. Как с Огнецветом. Пожи-

вёте немного за городом, потом поедем вместе в Москву, я всё объясню уже там. Думаешь, такой проект один? Люди склонны к недалёковидности, хватаются за идею, а о последствиях никто не задумывается. Едем?

Калейдоскоп мыслей вращался в голове окончательно запутавшейся Искры, стараясь прийти к какому-то рациональному решению. Но, увы, в данном случае нейрофизиолог полагалась на свою интуицию, отменяя логику. Сердце подсказывало встретиться с Огнецветом и забыть про «Sentio» навсегда.

– Едем, – вынесла приговор самой себе Элинская.

За окнами электромобиля мелькали знакомые дома. Июльская гроза пролилась дождём, неустанно барабанила по крыше такси. Искра сидела на заднем сидении за водителем. Борис Семёнович расположился рядом. Всю дорогу они молчали. Разговаривать Элинская была не в состоянии, да и обсуждать уже было нечего. Все слова были сказаны, назад дороги нет. Вскоре под колёсами электромобиля зашуршал гравий. Они уехали далеко за пределы Санкт-Петербурга.

В Ленинградской области ночной воздух стал холодней и ощущался острее чем в городе. Искра вышла из машины и вдохнула поглубже. Ноги от длительной поездки затекли. Морщась, она помассировала икры, стараясь наладить кровоток. От резкого наклона закружилась голова. «*Надеюсь, это всё было не зря, и я не пожалею о своём решении*» – со-

мнения уколom пронзили сознание Элинской.

– Искра Булатовна, ты в порядке? Мы на месте, – объявил Ланграф, куда-то показывая рукой. Нейрофизиолог взглядом проследила за жестом начальника и с удивлением обнаружила, что они прибыли в загородный коттедж. Серые каменные плиты, что облицовывали дом, навевали тоску. Чёрная крыша, высокие окна, словно погружённые во тьму. Свет не горел. Дом создавал впечатление мрачного и забытого людьми места. Пока Элинская с ужасом разглядывала коттедж, Борис Семёнович подтолкнул Искру в спину, приговаривая:

– Ну чего уставилась на дом, как на экспонат в музее. Пошли внутрь.

Уже стоя на крыльце, нейрофизиолог начала поддаваться панике. Скользкие щупальца тревоги сдавливали горло, не позволяя нормально дышать.

– Борис... Семёнович, нам точно... сюда? – прохрипела Искра, не желая переступить порог коттеджа.

– Не будь трусихой, нас ждут.

Ланграф отворил незапертую дверь. Раздался скрип несмазанных петель. Элинская шагнула во тьму дома, стараясь не отставать от начальника. Как только за гостями захлопнулась входная дверь, помещение озарилось неярким белым светом. Искра и Борис Семёнович прошли в довольно просторную комнату. В настоящем зажжённом камине потрескивали дрова. Мебель, по-старомодному расставленная

у стен, выглядела старой. Пахло пылью и деревом.

У окна стоял худенький мужчина. Его руки были опущены в карманы брюк. Услышав, что в комнату вошли он развернулся к визитёрам.

– Максим Константинович... – поражённо выдохнула Элинская и не отдавая себе отчёта подбежала к инженеру и крепко его обняла.

– Я тоже рад Вас видеть, – прогудел Огнецвет, рассеянно проводя ладонью по плечу Искры.

– Думала Вас и в живых давно нет...

– Рановато хороните, милочка, – улыбнулся краешком рта Максим Константинович, отступая. Нейрофизиолог смутилась.

– Воссоединение свершилось? Дружба спасёт мир! – провозгласил Ланграф.

– Вроде мы здесь для этого и собрались, мир спасти, – проговорил Огнецвет, колеблясь. Инженер не был до конца уверен, что поступает правильно.

Осколки «карты памяти» россыпью легли на горящие дрова в камине. «Veritas», скрывающаяся организация внутри НИИ когнитивных нейронаук возглавлялась Борисом Семёновичем. Раньше они просто назывались «Комитетом Этики Технологических Инноваций». Аббревиатура КЭТИ не очень импонировала Ланграфу. И КЭТИ превратилась в

«Veritas»¹⁰. Искра и Максим приняли предложение секретной организации, сочтя доводы Бориса Семёновича весомыми. «Sentio» сам по себе не представлял совершенно никакой угрозы. Проектом интересовались в разных областях. От военных до богачей. Человек мог стать уязвимым, остаться без всякой защиты. Прогресс позволил бы подчинить «Sentio» разным службам, и кто знает, к каким последствиям это привело бы мир. Свидетельствование против самого себя. Отсутствие личных границ. Исчезновение «тайны» как таковой. Элинская и Огнецвет пришли к единому мнению, что революция в мире технологий может привести человечество к катастрофе и допустить создание «Sentio» нельзя. Возможно, этот «проект особого значения» далеко не последний.

**Изображение для обложки создано с помощью нейросети «Midjourney».*

¹⁰ Правда, истина (лат.)